

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

«ТЕБЯ, КАК ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ...»

Замечено, что пушкинская тема нарастает в творчестве И. С. Шмелева в период его жизни вдали от родины¹. В особенности вся образная ткань «Истории любовной» (1927) пронизана ощущением Пушкина. Он нередко прямо называется: предстает то белым бюстиком «милого Пушкина» у кровати героя (с. 22)², то сильнейшим аргументом в мальчишеском споре («Пушкин вовсе не был красив, а все с ума сходили от любви к нему», с. 68), то видением во сне:

И должен приехать Пушкин. Мне очень страшно, что Пушкин меня увидит, а еще не посыпано песочком. (...) Я стою у забора, она со мною. (...) Я беру ее руку и умоляю: «Не говорите Пушкину!» (с. 101).

Не случайно первые стихи, пробуждающиеся у героя, также, как правило, наивные перепевы из Пушкина.

Когда-то я прочел «Русалку», — вспоминает он, — и написалось:

Как тихо, мрачно здесь,
На мельнице забытой!
Нет прежнего здесь шума,
Нет забот,

---

¹ *Осьмина Е. А.* Пушкинские образы в эмигрантской публицистике И. С. Шмелева // Русская культура и Восток. Третьи Крымские Пушкинские чтения. Симферополь, 1993. С. 23.

² Роман цитируется (с указанием страниц в тексте статьи) по изданию: *Шмелев И. С.* История любовная. Няня из Москвы. М., 1995.

Ничто не борется здесь с тишиной великой,
Здесь не живет никто десятый год (с. 15)³.

Когда стихи не идут, юный поэт обращается за помощью к Пушкину:

Я напрягал воображение, проглядывал стихи в хрестоматии, даже Пушкина у сестер достал... Прочитал: «Буря мглою небо кроет». Я даже оглянулся: может быть, Пушкин видит, его душа, как какой-то стриженный гимназист... Я закрыл книгу с трепетом. Прости, великий Пушкин! — прошептал я молитвенно, — я не... *это*, я только хочу учиться, благоговеть... Ты видишь мое сердце! Осени меня твоей светлой улыбкой Гения!» И в сердце пело... И вдруг пошло... (с. 38).

Впрочем, порой Тоничка лишь спустя какое-то время догадывается о пушкинском присутствии в его стихах:

Я прочитал написанные стихи и пришел в восторг:

Скажи мне — «да!» — и «бросься в бездну!» —
Умру, как раб, у ног твоих!.. (с. 82).

Немного погодя он размышляет: «Это любовь поэтов — благоговеть! Как прекрасно у Пушкина говорит Онегин, утративший — увы! — Татьяну:

Повсюду следовать за вами...
Движения, улыбку, взгляд —
Ловить влюбленными глазами
И... —

Я забыл, но, кажется, там было — «И... умереть у ваших ног!» И я удачно сегодня выразил: «Умру, как раб, у ваших ног!» (с. 87).

---

³ Первый опубликованный в 1895 году рассказ Шмелева «У мельницы», как об этом свидетельствовал сам писатель, также был навеян пушкинской пьесой. Можно заметить и в «Истории любовной» отклик на «Русалку», в которой герой также раздваивался в своих чувствах.

Это «и я» прелестно своей наивностью. Герой убежден, что сам может писать «как Пушкин». Он не замечает своей неточности в цитировании пушкинских строк, как и в другом случае, когда в восторге шепчет:

и я, как великий Пушкин, восклицаю: да, мне явилось
вновь: и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слава, и лю-
бовь! (с. 133).

Здесь уже, конечно, вполне очевидна добрая ирония взрослого автора, который в невольной обмолвке («слава» вместо «слезы») юного героя приоткрывает его наивное тщеславие. Авторская ирония порой усиливается:

Как поется на слова Пушкина, — «В душе настало про-
бужденье, и вот опять явилась ты..! Явился я... — и зажег в
ней, «как солнца луч среди ненастья, и жизнь, и молодость,
и счастье» (с.172).

Насмешка становится жестче, когда автор следит за «пушкинскими» высказываниями «нигилиста» Женьки. Отсутствие у него поэтического чувства обнаруживается в перечислении в одном ряду имен Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Вашкова, Надсона (с. 67). Вполне заурядный писатель, фельетонист и отчасти поэт И. А. Вашков (1846–1893)⁴ предстает здесь инородным телом. Откровенно комично и Женькино «обкрадывание» Пушкина, когда в его послании к Серафиме «заимствуются» пушкинские стихи, дополненные по Женькиной природной поэтической глупоте нелепой концовкой:

Ответьте мне, красавица, что да!
И буду раб я ваш покорный навсегда! (с. 64–65).

Это бросает иронический ответ и на вирши Тонички, очень похожие на подобный опус («Скажи мне «да» ... и проч.).

---

⁴ См.: Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. С. 398–399.

Ирония сменяется откровенной неприязнью, когда автор время от времени задерживает внимание на «пушкинских» эзерсисах приятелей Серафимы. Пародийная отповедь «Доброжелательницы» Женьке:

Вы съединить могли с нахальством вашим подлость;
Из Пушкина посмели вы содрать!
Кто любит Пушкина, тот презирает пошлость,
Но кто — «дерет», того бы надо драть (с. 125) —

не лишена остроумия (хотя и излишне грубого). Но нельзя не заметить, что как раз в этом кругу Пушкин всегда нарочито пародийно искажается. Студент Померанцев декламирует: «Не спи, казак, во тьме ночной студенты ходят за рекой» (с. 85). Он же вместе с фельдшером поет плясовую:

Три девицы под окном
Ждали поздно вечером!
У одной-то глаз подбитый,
У другой затылок бритый,
Третья без скулы! (с. 89)

Явившись к Серафиме со скрипачом (это своеобразная отсылка к одной из сцен «Моцарта и Сальери»), Померанцев восклицает:

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном,
Объята Севилья
И мраком и сном! (с. 148)

Но, узнав, что та занята с фельдшером (ср. у Пушкина: «Уж нет ли соперника здесь?»), отнюдь не негодует, а присоединяется к компании за общей выпивкой⁵.

---

⁵ Использование текстов Пушкина в романе Шмелева не отмечено в справочном издании: *Мельв М. Я. Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825–1917 годов и русском фольклоре*. СПб., 2000 (здесь в разделе «Исполнение романсов и песен на стихи А. С. Пушкина в произведениях художественной литературы и кинематографа» фиксируются и произведения, созданные позже 1917 года).

В отличие от них рассказчик (юное *alter ego* автора)⁶ не просто вспоминает о Пушкине, он ощущает его творения как собственный текст. Так, в первом же его мечтании (с. 8–9) откликается и «Капитанская дочка» («Что скажешь, старина? — показывает он бровью на едва различимое пятнышко на горизонте, и его открытое честное лицо выражает суровую озабоченность»; «Пятнышко на горизонте уже превратилось в тучу, ветер крепчает...»), и «Арион» («Подкравшая чудовищная волна смывает кавалеров с тросточками, и рухнувшей на моих глазах грот-мачтой увлекает капитана в бушующую бездну»), и «Буря» («Она, с развевающимися дивными волосами, простирает с немой мольбою руки. Но она неописуемо прекрасна»).

В особенности же один почерпнутый у Пушкина образ пронизывает все Шмелевское повествование, отзывается обертонами и ассоциациями по законам развития лирической темы⁷. Можно было бы не заметить в романе «нежных, клейких листочков» (с. 17), одной из деталей пробуждающейся природы (а вместе с тем пробуждения чувств героя), если бы они не были специально отмечены Шмелевым в его пушкинской речи «Заветная встреча»: «Это словесное волшебство, эта легкость творческого дыхания — сродни правде души народной, разлитой в русской песне, нигде неповторимой». И далее, процитировав стихотворение «Еще дуют холодные ветры...», писатель восклицает: «Вот откуда — знаменитые “клейкие листочки” Достоевского... — из пушкинской стихии, из народной»⁸.

---

⁶ В письме к издателю Шмелев свидетельствовал: «Могут подумать, что это от автобиографии. Нет, могу заверить. Автор здесь — “в кусочках”. Но, конечно, через ЕГО глаза пропускалось» (с. 408).

⁷ Лиризм поздней прозы Шмелева отмечал И. А. Ильин: «Шмелев прежде всего *русский поэт* по строению своего художественного акта, своего содержания, своего творчества» (Ильин И. А. О тьме и просветлении. Мюнхен, 1959. С. 136).

⁸ Шмелев И. С. Заветная встреча // Филология. Philologica. 1999. № 15. С. 61.

Но тогда становится понятным, что в пейзаже, открывающем роман Шмелева, вовсе не случайно появляется «проталинка в лесу» (ср. у Пушкина: «Только что на проталинах весенних / Показались ранн(ие) цветочки» — III, 106). И цветочки появятся в романе — это прежде всего неоднократно сюжетно акцентированный букетик подснежников, подаренных герою Пашенькой, — собранный автором романа, несомненно, все с тех же пушкинских — народных — «проталин весенних». В свою очередь, цветочки рождают стихотворный отклик Тонички:

Боже, как это хорошо!.. «Ты мне даешь намек... Что полевой цветок... Увянет под косою жестокой! Я буду горевать о деве синеокой!» Конец, больше ничего! Все. Но почему — увянет под косою? Очень понятно, потому что... (с. 32).

Это отсылка (автора, а не рассказчика) к тексту батюшковского стихотворения «Выздоровление» и одновременно к пушкинскому примечанию к нему; по мнению Пушкина, это «одна из лучших элегий Батюшкова», в которой, однако, есть неточность:

Не под серпом, а под косою: ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных (XII, 260).

У Шмелева в данном случае просто «полевой цветок», но и о ландыше он не забудет: с ландышем будет сравнивать Тоничка другую свою героиню, Серафиму, в письме к которой напишет: «прелестны, невинны, как ландыш весны» (с. 210). И собираясь на свидание с ней, герой намеревается взять с собой садовый ландыш, чтобы потом как бы случайно якобы найти его на лугу. Он забывает захватить с собой цветок, но, целуя руки любимой, восторженно ощущает их «поэтический» запах («совсем ландышами, ландышами... — шептал я») и слышит в ответ: «Вы угадали. Я всегда мою руки ландышевой водой. Это очень гигиенично» (с. 212).

И снова ландыши, настоящие, природные, увидит выздоравливающий герой в Троицын день у своей постели —

это опять букетик, собранный Пашей. В тот день состоится последнее с ней свидание; она, исполняя обет, отправится в монастырь. И прощальное воспоминание о Паше будет навсегда слито с ее цветами:

Она нагибается к ландышам долго-долго. (...) Она отрывает лицо от ландышей, смотрит, ко мне идет. (...) Она вскакивает с кровати и начинает прибираться в комнате. Ставит на столик ландыши. Смотрит на меня как-то странно — и вот, начинает опускаться, опускаться... (с. 237).

Поистине: «Как ландыш под серпом убийственным жнеца / Склоняет голову и вянет...»⁹.

Образу же Серафимы все время сопутствует тема фальши: ошибки в написании чувствительных слов, гигиеническая вода, искусственный глаз, скрытый за голубыми стеклами пенсне (ср. с этим васильковые глаза Паши). Прежде чем герой узнает имя «прекрасной незнакомки», он восхищен ее голосом, «мелодичным, похожим на звуки арфы» (с. 37). Казалось бы, тем самым намечается пушкинская перспектива лирической темы: «И внемлет арфе Серафима (ы)...». Но еще до того, как это имя впервые прозвучит в романе, появится эпизодический персонаж вульгарной *арфистки* Гашки:

Я эту арфистку видел. Ее увозили на извозчике, простоволосую, в красной шали, а на подножке стояли городской и дворник. Арфистка Гашка дрыгала ногами в голубых чулках, озиралась глазищами и проклинала всех подлецов... (с. 29–30).

И оказывается, Серафима тоже причастна к пародийно-пушкинскому миру, как и вся ее компания, что в романе специально отмечено:

Я услышал бешеный рев студента:

О, Серафима,

О Хе-ру-ви-ма!.. (с. 150–151).

---

⁹ Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 174.

И все это вместе помогает понять простонародное звучание имени другой, подлинной героини – Паши. Она в явном литературном родстве с героинями из простонародья (Парашами) поздних поэм Пушкина (недаром детская влюбленность героя, «деревенская девочка лет восьми», тоже носит пушкинское имя Таня – с. 53).

Сюжет романа Шмелева кажется с самого начала сориентированным на повесть И. С. Тургенева «Первая любовь», но это лишь внешний план намеченных автором коннотаций. Созданное на чужбине произведение Шмелева одухотворено прежде всего иной «первой любовью»:

Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет¹⁰.

В отличие от героя тургеневского произведения, в душе шмелевского юноши происходит борьба двух чувств: преклонения перед книжной героиней Серафимой и непосредственного восхищения Пашей, ставшей первой его музой («прекрасной из муз»)¹¹. Заново переживая в эмиграции юношеские воспоминания, писатель попадает в тон Пушкину:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, в гонень (?) [и] в степях
Мои утраченные [годы].

... ..

¹⁰ Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1966. Т. 1. С. 260.

¹¹ Крайне неточно толкование А. М. Любомудровым романа Шмелева как истории «пробуждения любовных чувств подростка, в котором *идеальная романтическая любовь вступает в конфликт с греховным плотским желанием*» (курсив мой. – С. Ф.) (см.: Русские писатели. XX век. Биобиографический словарь. М., 1998. Ч. 2. С. 606). Греховна в изображении Шмелева как раз идеальная, книжная любовь, начисто лишенная поначалу плотского вождения, греховна потому, что она фальшива, лишена здорового, народного начала, которое воплощено в полной мере в Паше.

И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака молодые,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые —
Но оба с крыльями, и с пламенным мечом —
И стерегут — и мстят мне оба —
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба (III, 651).

«История любовная» написана в жанре романа воспитания, запечатлевшего мужание чувств юного героя прежде всего под знаком Пушкина.

«Особенность всякого произведения искусства и литературы, — заметил Г. М. Фридендер, — состоит в том, что оно не умирает вместе со своим создателем и своей эпохой, но продолжает жить и позднее, причем в процессе этой позднейшей жизни исторически закономерно вступает в новые отношения с историей. И эти отношения могут осветить произведение для современников новым светом, могут обогатить его новыми, не замеченными прежде смысловыми гранями, извлечь из его глубины на поверхность такие важные, но еще не осознававшиеся прежними поколениями моменты психологического и нравственного содержания, значение которых впервые и могло быть понастоящему оценено лишь в условиях последующей, более зрелой эпохи. Так произошло и с творчеством Пушкина»¹².

За реалистической точностью картин российского прошлого в романе Шмелева звучит, как это обычно для творчества русских зарубежных писателей, не только ностальгическое воспоминание, но и мечта об обретении утраченной родины — та же, что публицистическим языком выражена в юбилейной пушкинской речи И. С. Шмелева:

---

¹² Фридендер Г. М. Пушкин и его заветы будущим поколениям // Фридендер Г. М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб., 1995. С. 172–173.

Теперь уже *вещий* смысл мы видим в *той*, «с которой образован Татьяны милый идеал...».

О много, много рок отъял!..

Да, много. Мы влачимся в «пустыне мрачной», мы томи-мы «духовной жаждой», но вот Серафим нам на перепутье — Пушкин. Мы должны отдать ему сердце и принять в от-верстую грудь — «уголь, пылающий огнем» — его любовь к России, — веру в Нее:

В надежде славы и добра

Гляжу вперед я без боязни.

И тогда *всё* пойдем. И обретем, наконец, единство¹².

---

¹² Шмелев И. С. Тайна Пушкина // Волга. 1989. № 6. С. 12.